

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
BookBox
<https://bookbox.center>

Наталья Мейн
LOCUS STANDI

или Философские сказки

Наталья Мейн

Locus standi, или

Философские сказки

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74054147

Locus standi, или Философские сказки / Н. Мейн: ВookBox; Краснодар;

2026

ISBN 978-5-908037-73-0

Аннотация

«Locus standi, или Философские сказки» Натальи Мейн – это сборник глубокомысленных рассказов и притч, в которых автор обращается к вековым вопросам бытия, любви и совести. Каждая история – это небольшое философское размышление, призывающее читателя задуматься о смысле жизни, природе человеческих чувств и духовных ценностях. Проникновенные и в то же время доступные философские сказки помогают понять сложные идеи через простые и трогательные сюжеты, пробуждая в душе искреннюю любовь и стремление к истине.

Содержание

Цветы уединения	7
Книга о радости	8
Тридцать лет жизни	10
Слесарь, или Мировых дел мастер	34
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Наталья Мейн
Locus standi, или
Философские сказки
BookBox

© Наталья Мейн, 2026

© Издательский дом «BookBox», 2026

Помните!

Всякий поступок, всякое слово оставляют свой результат. Этот результат в вашей власти, пока слово не произнесено, мысль не перешла рубеж, но затем этот результат делается достоянием судьбы и

подчиняется законам справедливости /космоса/.
Пифагор

Цветы уединения

Как часто мы в уединении
Растим прекрасный сад цветов,
Но, словно горьким плодом уязвлённые,
Уничтожаем до основ.

Мечты, оборванные крылья,
Уж не несут нас до высот.
Лишь верой вновь мы окрылённые
Лелеем мудрости цветок.

Книга о радости

Dant gaude avires (лат.)

Радость прибавляет силы

Жил один Мудрец. Долго жил. Много знал-познал. Смотрел на землю, а видел, как червяк под землёй ползёт; смотрел на птицу, а видел, сколько зёрен она склевала; смотрел на море, а видел, сколько рыб зародилось с начала Творения и сколько ещё народится; смотрел на звёзды и знал, какая погаснет, а какая на Землю упадёт. Всё знал Мудрец. И скучно ему стало на Земле: всё знает. Затужил он, задумался. Пролетал мимо орёл, спросил его Мудрец:

– Что мне делать?

– Радуйся, – ответил орёл.

Пролетала мимо стрела охотника, и спросил её Мудрец:

– Что мне делать?

– Радуйся! – прозвенела стрела.

– Да будет так! – сказал Мудрец.

Ушёл он в горы и написал там «КНИГУ О РАДОСТИ». И написаны были в книге такие слова:

«Я пою вам о красоте, радуйтесь, люди!

Я пою вам песни о любви, радуйтесь, люди!»

И трепещет, и бьётся, и звучит в этой книге Радость.

И огромна в этой книге жажда жить дальше, а читается эта книга всю жизнь.

Тридцать лет жизни

Incipit vita nova (лат.)

Начинается новая жизнь

Марк оглянулся. Холодный влажный ветер что-то судорожно трепал на крыше многоэтажки. Вот и закончится всё сейчас, именно сейчас. Я так решил. Теперь уже мой уход, уход из жизни. Жить не хотелось совсем. Сначала глубокая депрессия. Всё безразлично. Не нужен никто. И я сам никому уже не нужен. Ни одному человеку на земле. Все оставили меня. Сначала родители. Затем приёмные родители. И теперь я снова один. Пустота в жизни, пустота в душе. И даже не страшен край ни пропасти, ни небоскрёба. А дальше? Что дальше? Дальше – глубокое забвение и пустота. Когда пустота в душе и нечем жить дальше, не нужно уже ничего.

Марк стоял на крыше. Ветер остервенело трепал волосы. Хотелось прыгнуть, чтобы забыть всё, чтобы ушло всё ставшее ненужным, даже сама жизнь. Ничего не помнить. Даже самого себя. Ночь и тишина. А утром, утром найдут его тело, и все забудут навсегда, что был он и его имя, которое дали ему родители, – Марк. Он взглянул на ночное небо. Где-то вдали мерцала маленькая звёздочка. Тихая улыбка скользнула по лицу Марка и застыла в горькой гримасе. Слеза преда-

тельски блеснула в уголке глаза. Он вздохнул, и правая нога слегка скользнула по козырьку. Звезда мигнула вновь.

– Прыгай, чего же ты... трус, – сказала чётко звезда.

– Нет, не трус! – крикнул Марк. – Я Марк, я никогда не сдавался.

– Если никогда не сдаёшься, зачем стоишь здесь? – ухмыльнулась звезда.

Гулкое эхо прокатилось по голове Марка. Что-то впилося в виски, заломило лоб. Голова вдруг сделалась лёгкой, как будто ничего не весила, и пустой.

Он прикрыл глаза.

– Не надо, не надо, – вдруг услышал он тихий шёпот, или это ему показалось.

«Показалось, да», – гулко отозвалось где-то в голове.

– Не могу я больше, не хочу! – крикнул он. От боли заломило затылок. Боль прокатывалась по всей голове, вновь вернулась в затылок, голова откинулась назад.

«Не хочу, не хочу жить, – стучало в висках. – Не хочу больше. Мне больно. Больно».

– Потерпи немного, – услышал вновь он мягкий тёплый голос, – ещё чуть-чуть, всего немного, всего пять минут.

Марк закрыл глаза.

«Не было никакого шёпота, – скользила в голове мысль, – просто слуховые галлюцинации. И голоса тоже не было, иллюзия, просто иллюзия».

– Показалось, показалось! – крикнул он и не узнал своего

голоса. Что-то хриплое и нечленораздельное вырывалось из его горла.

Он махнул рукой, рубанув воздух. Нога предательски скользнула вниз, и Марк повис на одной левой руке. Пальцы его вцепились в козырёк крыши намертво. Сколько прошло времени, Марк не помнил, кажется, он висел так вечность. Но в следующее мгновение он стремительно взлетел на крышу. Как это получилось – он не смог вспомнить.

Марк лежал на самом краю, не боясь ни боли, ни падения.
– А ты молодец!

Вновь этот голос? Что это? Кто это? Это просто в моей голове... Так говорила бы мне моя мать. Но я не помню её.

Чьи-то руки мягко гладили по голове. Или это ветер шевелил ему волосы.

Утро было туманным и сырым. Марк продрог. Он медленно поднялся. Ноги дрожали, как после долгого бега. Пальцы левой руки, всё ещё скрюченные, не хотели разгибаться. Марк посмотрел на небо. Облака мутными клоками висели над городом, но где-то вдалеке светлый луч пробивался сквозь серость утра. Новое утро не предвещало ничего плохого. Марк вдохнул глубоко по-утреннему ещё холодный воздух.

«Надо отоспаться, – подумал он уже более решительно. – Я чувствую, что в моей жизни что-то может измениться или уже изменилось. Я это чувствую. Я что-то слышал. Что это было? Как будто чей-то голос, мягкий и тёплый, глубоко

проник в меня и что-то изменил во мне. Как будто дал мне шанс, шанс на ещё одну жизнь. И теперь я чувствую, чувствую себя, чувствую своё тело... руки... ноги. Снова живу. И это новое вошло в меня. Я не хуже других, я сильный. Я Марк, я никогда не сдаюсь».

Силы незаметно вновь вернули его к жизни. Лёгкое дуновение ветерка прокатилось по лицу. Запахи свежего утра защекотали ноздри.

«На углу булочная, там делают отличный кофе», – мелькнула в голове мысль...

* * *

Было уже поздно. Анна выключила верхний свет, включила торшер и стала готовиться ко сну. Софа была обширной. Тёмно-синего цвета и куплена в большом мебельном магазине в Москве. Она была так удобна, мягка и послушна, что ездила всюду за своей хозяйкой, из города в город, с квартиры на квартиру.

О, это самое приятное время, когда наконец-то в доме наступает покой. Накормлены дети, политы цветы, помыта посуда после ужина. Дом медленно погружается в сон. Вот уже перестали стучать входные подъездные двери. И даже собаки во дворе перестали лаять. Дом медленно погружался в сон. Вот оно – блаженное время между явью и сном. Когда ложишься в прохладные простыни, и лёгкий сон вначале мяг-

ко, затем всё настойчивей и настойчивей начинает окутывать сознание.

Резкий крик взбудоражил сознание Анны: «Что это? Откуда этот странный вскрик? Как будто кто-то зовёт на помощь». Анна прислушалась, не открывая глаз. «Но нет, показалось. Наверное, этот сон, я сплю, сплю». Сон вновь начинает омывать сознание своими потоками, скользя мимоходом по событиям только что закончившегося дня. И вот уже сознание плывёт в бесконечных просторах неба, отдаляясь от прозы жизни всё далее и далее.

Как прекрасны эти ночные красоты небесных светил. Что заставляет их общаться между собой? Перемигиваться цветовыми всплесками световых волн, создавая своим тихим мерцанием фантастический танец. Анна потянулась, и взгляд её упал вниз. Город спал, тихо дыша тёмной зеленью умолкнувших улиц. Внизу проплывали тёмные квадраты зданий с немногочисленными светящимися окнами ещё отдельных бодрствующих граждан. Потянуло свежестью галактического ветра. Анна устремила свой взор в мерцающее звёздное небо.

Резкий толчок в сердце пронзил осколком её сознание. Это не была её боль. Это была боль другого существа, которого она сейчас не видела. Но всё же что-то близкое и знакомое было в этих едва уловимых лёгких вибрациях.

Да, это он. Это снова он. Я чувствую, его сознание бьётся в тяжёлых судорогах. Что-то мерзкое и тупое крутит его

сознанием, желая выжать из него последние соки живительной влаги жизни. Они ещё теплились в нём. Спротивлялись как могли. Но мерзость, окутывающая его, была бескомпромиссна: «Что, тебе страшно прыгнуть вниз? Ты трус! Ты боишься!»

У Анны бешено заколотилось сердце. «Где это, где?» Её сознание беспомощно касалось и отталкивалось от временных потоков. «Я не вижу, где ты? Где ты сейчас? Скажи мне, где ты? Держись, держись. Я сейчас, сейчас...»

Анна вытянула правую руку вперёд и, настроившись на волну страха и мучительной борьбы этого существа за жизнь, помчалась с головокружительной быстротой. Каждая секунда была важна. Внизу промелькнули горы и мелкие речушки.

Осколками серебра блеснули мелкие озёрца. Тяжёлая рябь моря отливала тёмным свинцом. Но вот своим сознанием она нащупала жгут, белый пояс тонкой связи, который их соединял. Связь незримая, тонко чувствующая, соединяющая через все расстояния. По ней легко найти человека. Да, именно так! Анна держала в своей руке эту незримую нить, которая безошибочно и молниеносно приблизила её к цели. Скручиваясь, как в спиннинге, нить сократилась и выбросила её на крышу многоэтажки. Мерзкое существо выкатило на неё свои круглые глаза и, жадно зачавкав пастью с острыми акульими зубами, кинуло одно из своих щупалец под ноги...

Молодой парень, махнув рукой, неминуемо окажется ле-

тящим вниз. Сознание Анны мгновенно среагировало. Она успела на последней секунде. Слегка согнув пальцы молодого человека, она почти что припаяла его руку к козырьку крыши. Её сознание действовало чётко и мгновенно. Да, опыт в таких ситуациях набирается быстро, если ты не трус или не позволяешь себе им быть.

Анна всмотрелась в сущность. Таких много бывает даже в квартирах. Они умело рассоривают жильцов квартиры, отлавливают каждый их шаг. Их жадные присоски следуют за своей жертвой повсюду – от кровати до кухни, к балкону и ванной. Присасываясь, медленно откачивают жизненные силы человека. Он становится раздражительным, нервным и восприимчивым к разного рода негативным поступкам. Сущность, увидев Анну, ослабилась акульными острыми зубами и зашипела.

– Тебе не следует здесь находиться, – сказала твёрдо Анна. – Ты никто в этом мире, тебя здесь нет. Иди туда, откуда пришла. Если не пойдёшь добровольно, отправлю тебя туда, откуда тебе не будет выхода многие тысячелетия. Ты меня поняла? – почти крикнула Анна. – Исчезни, если тебе дорога твоя жизнь!!

Сущность, съёжившись, вслушивалась в слова Анны. И ловила каждое мгновение, ожидая с её стороны эмоций страха или трусости. Но Анна была тверда, как скала. Слова Анны, как гвозди, впивались в шкуру мерзости, съёживали её объёмы. Сущность, метнув ещё раз на Анну ненавистный

взгляд, исчезла. Дыра, пробитая ею в пространстве, стала медленно затягиваться.

Анна взглянула на парня. Он продолжал висеть на козырьке. Его лицо, бледное и оцепеневшее не только от ужаса, но и от непонятной ему ситуации, в которой он оказался, было страдальческим. Казалось, вся жизнь в нём замерла. Пальцы, сжимавшие козырёк, побелели настолько, что казались отлитыми из воска.

Анна протянула обе руки и молча втянула парня на крышу. Они лежали рядом. Он – уткнувшись лицом в серый бетон крыши. Она – глядя в звёздное небо. «Я его всегда спасаю! Зачем? Отчего? Почему? Первый раз, когда он был совсем маленьким ребёнком и погибла вся его семья, отец и мать. Второй раз, третий...»

Анна вытянула руку и погладила его растрёпанные волосы:

– Ты молодец, не поддайся этой твари. Ты сопротивлялся как мог. Никогда не сдавайся. Они, эти твари, только и ждут твоей слабинки, твоего уязвимого места. Помни, ты не один на этом свете. Я всегда с тобой. Помни меня. Зови...

Наступило серое промозглое утро. Бетон отсырел и пропитался утренним туманом. Парень зашевелился. Анна ещё раз погладила его волосы.

– Ты молодец. Сопротивляйся всегда, не бойся ничего. Эти твари питаются страхом. Но они знают своё место. Не поддавайся их влиянию. Их можно уничтожить только чёт-

ким приказом. Но мне пора возвращаться домой. Пусть у тебя всё будет хорошо. Ты ведь будешь стараться? Попробуй на мелочах. Порадоваться даже маленькой затее. Хорошо? Ты ведь слышишь меня? Я знаю, ты слышишь меня!

Утро завтрашнего дня неумолимо поднимало своё розовое забрало и провозгласило новый день. Земля праздновала ещё одну победу Жизни.

* * *

Вчера был сон, странный. Вряд ли это можно назвать сном. События чётко следовали одно за другим. Сон длиною в жизнь с мельчайшими подробностями, жизненными вопросами и многочисленными делами.

Они бегали по лугу над обрывом. Белое платье легко скользило по тюльпанам, разросшимся по всей лужайке. Зелёная трава, красные тюльпаны, синее небо, белые облака. Безмятежность и счастье, которое бывает только в молодости. Но которое длилось недолго. Потом... потом он погиб. Его пальцы ещё долго цеплялись за обрыв, но затем медленно разжались и исчезли... и время остановилось. Это преследовало её всю жизнь. Она не смогла спасти его тогда.

...Что-то случилось вновь. Анна прислушалась. Был день. Далёкая боль, донёсшаяся до неё. Знакомые вибрации. Это он, тот парень, которого я всегда спасаю.

Анна вышла в коридор. Он был пуст. Она подошла к окну

и сосредоточилась.

– Что случилось опять с тобой? Я знаю, тебе сейчас плохо. Но потерпи ещё немного. Всего один день, завтра будет лучше. Вот увидишь. Я всегда с тобой. Я помню о тебе. Каждый день. Но ты где-то так далеко. Я не знаю, где ты, но чувствую, что между нами океан не только воды, но и океан чужих жизней. Мы не вправе его менять. Пока менять. Дальше? Дальше я не знаю. Я знаю только, что когда-нибудь мы встретимся. Мы обязательно встретимся. Помни об этом. Потерпи ещё немного, всё будет хорошо. Я найду тебя. Завтра я снова поговорю с тобой. Ты дотерпишь до завтра? Да, обязательно. Жди меня завтра. И мы поговорим с тобой. Мы будем долго разговаривать с тобой. И ты мне расскажешь всё, что тревожит тебя.

...Что с тобой, душа моя? Я чувствую, как болит твоё сердце. Я чувствую это так ясно, как свою боль. Я снова с тобой.

Синий сумрак ночи жёг глаза. Хотелось спать. Но далёкая боль, ставшая с некоторых пор её самой близкой болью, держала её сознание в своих объятиях.

– Что с тобой? Я чувствую, как горит твоё сердце, как льётся горечь в твоей жизни. Тебе очень тяжело. Так тяжело, что я задыхаюсь от той боли, которая горит в тебе. Но нам надо ещё немного потерпеть. Ещё чуть-чуть. Скоро всё изменится, и мы встретимся. Скоро. Мы найдём друг друга и узнаем сразу. Мы не можем не узнать. Я чувствую тебя

езде, где бы ты ни был. Я чувствую всю твою жизнь. Твои проблемы и твои радости. Когда ты радуешься и тебе становится хорошо и тепло – ия спокойна. Когда плохо тебе, моё сердце горит вместе с твоим сердцем. Я не знаю почему, я так чувствую тебя и слышу тебя всю свою жизнь и беспокоюсь о тебе.

Тебе уже стало легче, мой друг? И мне тоже. Спокойной ночи. Хотя, впрочем, мы так далеко друг от друга, что, возможно, у тебя там день... Уже скоро рассвет. Мы проговорили всю мою ночь или весь твой день. Тебе стало лучше? Я рада. Ты уже улыбнулся, я это чувствую. Помни меня. Я тебе всегда помогу. Я всегда с тобой.

– Это ты? Да, мой милый, говори. У тебя всё хорошо? А я что-то так устала, что нет даже силы пошевелиться, и нет сил сказать тебе пару слов. Но я чувствую, что твои мысли около меня. Как будто лёгкий ветерок веет вокруг. А, это снова ты? Как приятно, что ты вспомнил обо мне. Расскажи мне что-нибудь, всё равно что.

* * *

Дивей оглянулся. Стукнула входная дверь, и в проёме обозначилась фигура Беревза. Он вздохнул, но тяжесть на душе не отступала, она становилась всё сильнее и сильнее, сдавила виски и легла на сердце тяжёлым камнем. Предстоял нелёгкий разговор.

Великий Иерарх Перун был прав – заканчивается эпоха света, начинается новая эра медленного погружения во тьму. Тысячи лет тьмы, разгула низменных страстей. И тысячелетняя тьма ночи Сварога. Когда можно делать всё. Тысячелетний разгул тёмного круга и, как следствие, падение нравов всего человечества. Самое страшное время, которое можно себе представить.

Последние отблески старины ещё сияют сегодня зарницами богов. Но грозные предвестники уже веют своими крылами недобрые вести, чуждые народу нашему, пришедшему со звёзд. Все мы ощущаем связь миров наших. Ещё работают Врата Междумирья, и посланцы Света посещают нас, чтобы поддержать в нашей трудной миссии. Какое бы время ни наступило, мы не вправе отступить от Законов Мироздания и нарушить Заветы Мудрых Первопредков. На том стоит наша вера. Вера четырёх посланцев, четырёх космических народов: расенов, святорусов, да'арийцев и х'арийцев. Надо выстоять любой ценой. Я поговорю ещё раз с ним...

Дивей взглянул в глаза Беревзу, но тот отвёл взгляд.

– Я рад нашей встрече, хоть знаю, что ты пришёл не с добрыми вестями. Ты пришёл проститься?

– Да, моё время вышло.

Голос Беревза поразил Дивея. Слишком глухо и недружелюбно прозвучали слова в устах бывшего друга. Но, может, ещё не поздно.

«Может, он ещё одумается. Я помогу ему».

Дивей вновь взглянул на Беревза:

– Но вспомни, мы были друзьями, лучшими друзьями и понимали друг друга без лишних слов. Разве сейчас нам нечего сказать друг другу? Предложить...

– Не стоит так полагаться на нашу дружбу. Время наших богов уходит, это ты сам прекрасно знаешь. Приходит время других правил жизни. Мы слишком долго находимся на этой планете. И здесь начали проявляться уже другие законы и другие правила жизни. Мы слишком давно здесь, и связи с нашими Предками ослабли. Нам надо просто жить дальше, и всё! – в голосе Беревза прозвучали нотки стали.

– Но, друг мой, ты ошибаешься. Извечные правила жизни всегда одни и те же для всех миров, неважно, в каком из них имеешь счастье сейчас находиться. И их не изменить. Они начертаны могущественными Богами, не нами. Богами, творившими Вселенные. Законы Ману, законы наших древних предков живы в каждой клетке нашего сознания, живущего здесь, на планете определённых божественных мер. Мы должны опираться на порядок и истинный смысл жизни Мироздания, не пятнаться грехами, совершёнными как в мыслях, так и словесными и телесными. Это даст и даёт всем нам наилучшее благополучие, вечную славу и высшее благословение Богов. Все правила изложены в священном откровении, и нужно следовать им.

– Не стоит, Дивей, упражняться в доводах. Я всё решил. И помнится мне, говорил тебе об этом не один раз.

Дивей посмотрел на Беревза:

– Ты назвал меня этим именем. Это впервые. Мы называли друг друга ранее другими именами, данными нам Богами, тайными именами, которые знают только истинные друзья. Но, может, ты всё-таки прислушаешься к моим словам ещё раз. Послушай...

– Хватит. Я не смогу и не хочу больше слушать тебя. Ты всё знаешь. Я выбрал другую дорогу.

– Ты выбрал дорогу против Сил Света! Против Конов Мироздания! Разве ты этого не понимаешь? Ты погружаешься в тьму, где разум становится необузданным и всё более и более привязывается к чувственным наслаждениям, а результатом становится греховное всё бытие. Если нет контроля, то исчезает и Свет мудрости.

– Время идёт, Дивей. И предлагает нам уже другие правила жизни, другие ориентиры. А свет – свет всегда с нами, солнце светит одинаково для всех.

– Ошибаешься, друг мой!

– Не называй меня больше так!

– Ты стал жёстким и непримиримым, друг мой! Но у тебя ещё есть время подумать. Не торопись. Ещё не поздно принять другое решение, и мы вновь...

– Но пришло другое время, пришло уже! И ты это прекрасно знаешь! И теперь мы не друзья. Не хочу называть тебя врагом. Но с этого дня нам не по пути.

– Но мы были друзьями с момента прибытия сюда, на эту планету. Мы были друзьями и ранее в других Чертогах Миров благодатных. Разве ты забыл то время бессмертных деяний?.. Постой, не уходи, вспомни: мы ведь были лучшими друзьями, соратниками в Мирах Золотого Пути и спустились, пришли сюда, в эту мерность, чтобы сгармонизировать и поднять Мир четырёх измерений до более высокого уровня. Ты должен это помнить, и ты это знаешь, так же как и я.

По лицу Беревза пронеслась лёгкая волна смятения, но лишь на доли секунды, затем лицо приобрело ещё более резкие черты.

Дивей, взглянув на своего когда-то лучшего друга, понял, что все его доводы бесполезны. Слеза невольно прокатилась по щеке Дивея. Он отвернулся и произнёс:

– Но, похоже, я не смог переубедить тебя, прости, друг мой! Я так желал вновь быть вместе и растить детей нашего рода по законам Совести.

– Я не нуждаюсь в снисхождении, Дивей! И пора прекратить это наш бесполезный разговор. Я пришёл только проститься с тобой, и теперь уж навсегда. Это всего лишь дань приличию. Хотя, впрочем, я думаю, что мне не стоило этого делать. О моём уходе тебе доложили бы. И ты бы и так понял, что наши пути разошлись, теперь уж навсегда. Я сделал это только ради нашей прошлой жизни и уважения к ней. Теперь вижу, что зря, мне не стоило приходить сюда, к тебе, и выслушивать все твои увещевания и мольбы к якобы сохранившейся дружбе во все времена. Что прошло, то прошло. Время неумолимо и всегда будет ставить перед всеми нами свои задачи, каждый раз новые и каждый раз всё более смелые и недостижимые в своей значимости. В этом и есть прогресс, который ты, Дивей, просто-напросто отрицаешь. Ты остался в своих старых предубеждениях, правилах и нормах. Ты отстал от жизни, времени. Таких, как ты, со временем будет всё меньше и меньше. И теперь тебе уже я советую – будь со всеми, будь с теми, кто идёт в ногу со временем, в ногу с меняющимися правилами. А ты, Дивей, меня уже не интересуешь.

– Ты понимаешь, что это означает, Беревз? Что Даарии больше нет, её не будет. Нашей второй родины. Ты это понимаешь? Это война. Ты встал на сторону наших врагов, ты

встал на сторону тёмного круга, этих подонков Космоса, обретших уже здесь, на Земле, многочисленных предателей. Ты, великий жрец, на моих глазах становишься предателем своего рода? Возможно ли такое, друг мой, очнись!

Беревз повернулся к Дивею:

– Я зашёл всего-навсего проститься, и это мой последний знак уважения к тебе, и теперь, насколько ты понимаешь, мы не друзья, мы – пока никто друг к другу, не смею пока сказать, что враги, но, возможно, так и будет со временем. Ты знаешь, время неумолимо. Оно течёт по своему руслу, сейчас пока неведомому нам. Я всё сказал и даже более, чем хотел. И нам не о чем больше говорить!

Беревз развернулся и направился к выходу. Слова Дивея, прозвучавшие ему вдогонку, не остановили его:

– Тебе придётся отработать это во многих жизнях, друг мой. Тебе будет очень тяжело. Предательство – самое позорное качество человека... Наши истинные враги сделали всё, чтобы изменились практически все условия жизни, совершенствования и восхождения человека до уровня владения знаний, могущих управлять временем, пространством и жизнью. Но это будет не так быстро, хотя жизнь в теле так искромётно коротка. Тысячелетняя битва Света и тьмы начинают своё чумное шествие по планете, и будет борьба не на жизнь, а на смерть. И погибнут многие Сыны Света от рук тьмы и подлецов. И будет тяжело как никогда. Но тяжелее всего тогда, когда нас предают свои же...

Я буду молиться за тебя, мой друг, во всех жизнях, где бы мы ни встретились, и помогать тебе на твоём пути.

* * *

Как быстро летит время!

Ещё вчера не было даже домашних телефонов. Телефоны стояли в будках на улицах. И чтобы поговорить, нужно было занимать очередь. Эра телефонов сменилась другими новшествами, и вот по земле шествует интернет.

Странички многочисленных сайтов запестрели именами, друзьями. Из разных стран и континентов предлагают дружбу.

– Можно с вами познакомиться? О да! Теперь мы друзья.

...Ноутбук негромко звякнул. Кто-то вновь решил предложить стать очередным другом.

Красный Мак, горделиво покачав головой, представился:

– Меня зовут Марк. Можно с вами познакомиться? Спасибо. Ещё не начав наше знакомство, я знал, что мы будем друзьями.

– Как дела, Марк? Я тоже рада.

Анна взгляделась в незнакомое лицо. Приятный мужчина, да, очень приятный, но грусть читалась в его глазах. Анна всмотрелась в лицо. Её взгляд, казалось, проник куда-то глубоко внутрь, и чем-то знакомым и родным повеяло на неё. Такое ощущение, что она знала этого человека. Но где и ко-

гда? Резкая мысль пронзила её разгорячённый ум. Да, это он! Тот парень, тот человек, которого я всегда спасала, спасала всю жизнь, днём или ночью. Но я не верю. Не может быть! Столько лет я разговаривала с ним в мыслях. Тридцать лет я ощущала его боль как свою. Я беспокоилась о нём и днём и ночью. Но я не знаю, не помню его лица. Я не знаю, чем он занимается, что делает. Есть ли у него сейчас семья. Я ничего не знаю о нём. Но за тридцать лет он стал он мне очень близок. Иногда я забывала о его существовании.

Да, точно, я помню тот момент, когда ему наконец-то стало легче жить. Я почувствовала, что он создал семью, появилась женщина, которая была с ним. И я успокоилась за его жизнь. Но потом я вновь ощутила его безмерное горе и страдание. Он напомнил о себе, значит, ему было опять плохо. И я опять была мысленно с ним через тысячи вёрст лишь для того, чтобы унять его боль, чтобы ему стало легче. Почему?

Анна вздохнула. Разве такое бывает в реальной жизни? Она делила жизнь на две части. Первая часть – как у всех: работа, дом, семья. И вторая часть – когда сознание растекалось по пространству Вселенной и жило совсем другой жизнью, никому неизвестной. Только ей одной. Она предпочитала молчать о другой жизни. Это её личная тайна. Она может быть непонятна многим. Она может отпугивать. И всё же сознание Анны отказывалось верить происшедшему. Слишком всё оказалось нереальным в этом реально устроенном тяжеловесном мире.

Это он разыскал её сейчас в лабиринте жизни, а не она. Она обещала ему встречу и не смогла. Но смог он. Её лучший друг на все времена. Такое случается так редко, слишком редко. Когда уже не веришь ни в чудо, ни в подарки от жизни. Тридцать лет ушло на узнавание друг друга в этой жизни. Узнавание души, которая есть в каждом из нас. Родственные души, которые жаждут наконец-то соединиться. Но пока не могли в силу каких-то причин.

Анна не знала, что делать. Несколько дней пребывала в какой-то непонятной растерянности. В одно мгновение она протянула было руку, чтобы удалить этого незнакомца из своих друзей, который принёс ей столько беспокойств. Она не знала, что делать. Но занесённая её рука вдруг остановилась, и она не сделала этого. Она решила подождать.

Незнакомец был настойчив и учтив. Писал письма и восхищался всем, чем можно восхищаться в переписке.

Время шло неназойливо, но события развивались слишком стремительно.

Через три месяца они встретились в аэропорту. Ещё издали их взгляды притянулись. Неотрывно, каждую секунду глаза искали глаза другого. И это было так понятно. Они слишком долго шли друг к другу. И наконец Судьба сказала им: будьте вместе. Казалось, они долго стояли друг напротив друга и неотрывно смотрели в глаза, взгляд которых проникал глубоко в душу и жёг изнутри.

Двое в большом пространстве аэропорта, не замечая сну-

ющих людей, громкие объявления, толкотню, – они не замечали ничего. Только друг друга. Их в самом начале жизненного пути судьба разбросала так далеко, что, казалось, никогда не будет возможности быть вместе, и быть неузнанными была их участь. Но вместе они сотворили чудо: они жили единой душой так долго, как только возможно это представить в этом мире. Они чувствовали друг в друге каждый момент жизни, они читали мысли, и утешали, и предлагали всё, чем бывает богато сердце каждого. Эта встреча была выстрадана тридцатью годами жизни... в надежде на любовь.

Она коснулась рукой его не слишком большой шевелюры. Марк, взяв её за руку, шепнул:

– Я всегда знал, что мы встретимся. Я знаю, это ты. Именно та, которая так мне нужна. Я узнал тебя с первой минуты, когда открыл твою страничку. Знаешь, я часто видел во сне одну женщину, и я разговаривал с ней, и она всегда давала мне надежду жить дальше. Я помню её тёплую руку и голос. Он всегда меня успокаивал. Может, это была ты?

Он взглянул в её глаза, и взгляд его светлых глаз коснулся самых потаённых уголков души Анны. Что-то внутри дрогнуло, и волна хмельной радости прокатилась по всему телу.

– Я знаю теперь, что это была ты, – тихо шепнул он. – Я прочитал это сейчас в твоих глазах. Но почему всё понимаешь намного позже, чем это происходит, и тогда открывается истинный смысл всего, и всё становится на свои места. У меня такое ощущение, что мы знакомы с тобой сто лет.

Анна улыбнулась про себя: «Гораздо больше, чем сто лет. Тридцать лет это только в этой жизни. Мы знакомы длиною жизни существования Великой страны Даарии и многие тысячелетия до неё и после».

Она знала гораздо больше, чем он. Завеса тайны не открыла ему ещё своё лицо, но когда-нибудь это случится.

Но мудрая женщина всегда больше молчит, чем говорит.

Анна задумалась: «Да, он что-то сказал?»

– Ты веришь в судьбу? – услышала она.

– Я верю в судьбу, – сказала Анна. – Мы будем друзьями на всю жизнь, оставшуюся жизнь, не так ли? – добавила она.

– Да, моё сокровище, это правда, навсегда... – улыбнулся он.

* * *

– Твоё задание выполнено, Тарх Перунович, – прошептала вдруг тихо Анна.

Она удивилась этим странным словам, вдруг вырвавшимся самим из её сознания. Но затем тихо улыбнулась сама себе: ведь мы, люди, бываем так забывчивы, что совсем ничего не помним, кому что обещали и когда. Если я так сказала, значит так оно и есть.

...Ещё один круг времён замкнулся в пользу Сил Света. Началась эпоха Рассвета Сварога.

Слесарь, или Мировых дел мастер

Quale opus est, tale est praemium (лат.)

Каков труд, таково и вознаграждение

Я огляделся: линии раздела миров уходили далеко за горизонт, скрывая за мерцающим туманом едва различимые в определённых местах переплетения. Практически параллельные ветки шли как и положено, не пересекаясь, не входя одна в другую, кроме фиксированных особо значимых зон. Главное, чтобы не было грубых непредвиденных и аварийных ситуаций, что непременно внесло бы в миры хаос или – ещё хуже – полную аннигиляцию. Я отследил ход отдельных развязок и ответвлений, всё нормально. Вдоль параллельных линий магистралей, труб тянулась чередой буйков миров. Они слабо мерцали, отражая участки разделов. Их неназойливый свет успокаивал душу. С буйками тоже всё в порядке. Я вздохнул. Как хорошо, когда вся работа отлажена и работает как часы.

Ну, кажется, всё в порядке. Можно и по домам. Смена подходит к концу. А утром вставать раненько, да на первую работу, а это у меня вторая. Днём я, значит, на своей, планетарной и основной, а по ночам...

Ещё несколько километров по меркам открытых про-

странств – и мой путь будет пройден.

Подустал, конечно, я, но деваться некуда, работа есть работа.

Вот ё-моё. Уже издалека вижу: клубы пара, какой-то фейерверк, вспышки и прочая ерунда. Опять поломка, и надо же – прямо в конце смены. Ведь не успею починить до утра!

Приближаюсь поближе. Ну, конечно, один параллельный мир вклинился в другой, и эдак совместно друг друга уничтожают, внося каждый в свои миры хаос, неразбериху и прочую канитель, им сопутствующую.

Ну что, время не ждёт, пора приниматься за дело! Уж если взялся за работёнку – будь добр, делай. Никто ж не заставлял. Сам решил, что пришла пора заняться тем, к чему давно тянулась душа. Такое время приходит к каждому, когда жизнь ставит свои задачи, и с каждым днём они всё сложнее и ответственной.

О, вижу, я не один буду починкой-то заниматься. Смотрю: осьминожка какой-то вращается, видимо, вокруг своей трубы. Поплюёт эдак на ладошку да и штопает разрыв.

Ну моё дело маленькое, я за свою трубу отвечаю. О, мамamia, а это же кто такая, расфуфыренная девица? Что-то я её раньше и не видывал здесь. Ей-то что тут делать?

Ремонт ремонтом, а на девицу поглядываю. Смотрите-ка: талия у неё осиная, а всё, что выше или ниже талии, вполне приятных размеров. И почти что раздетая. Ну как таких на работу берут, ума не приложу, даже комбинезона страховоч-

НОГО НЕТ.

Тоже вот и паяльник свой достала, ловко, однако, орудует им. Как заправский мастер. И третий глаз у неё ничего, перламутром отликает. Правда, шарфиком прикрыт, видимо, от любопытных глаз. Личико миленькое.

Ну латаем все вместе, кто как может. Я с одной трубой вожусь, девица с другой, а этот амёбообразный осьминог так и мельтешит, везде норovit свои щупальца запустить.

И дырка-то вроде так себе, не совсем-то и большая, а всё как-то отлетает от неё, видимо, прокол очень глубокий был. Тут осьминожка приплыл ко мне, булькает что-то мне на ухо. О чём это он?

Не понял особо, но виду не подал. Киваю ему: ну ясное дело, ремонтировать как-то надо. Поплевал он снова на свою ладошку-осьминожку и пробку вставил прямо в дырку. Все переглянулись и, конечно, обрадовались – каждый ведь домой уже хочет.

Но тут пробка как выстрелит, да мне прямо по рукаву комбинезона страховочного. Дырка сразу и просверлилась на моём рукаве. Чем это он плюёт, этот осьминожка? Ну и мир у него ядовитый, наверное. Как они там живут?

Девица глянула на меня и рассмеялась. Лучше бы она это не делала. Ну всем прекрасна была, но чтобы зубы синие были, это в красном-то рту. Я аж содрогнулся. Она это поняла и губки сомкнула. Я вновь залюбовался – ну опять миленькая девчонка.

Снова мы починкой труб занялись. Вдруг слышу за спиной звук голоса. Оглядываюсь – старичок стоит седенький в чалме, бородёнкой трясёт и бормочет, и бормочет. Ну чистый «трах-тиби-дох-ти-би-дох», Хоттабыч то есть.

– Ты кто? – спрашиваю. – Как тут очутился? Тут ходить не велено, только свои по работе.

– А и по работе, – отвечает.

Чувствую, свой, с Земли то есть.

– А чего пришёл? – спрашиваю. – Ты ж не работник, да и комбинезона у тебя страховочного нет. Только халат какой-то полосатый, весь ватой утыканый. Сюда таким точно не положено.

– А мне зараз как надо сюда, – отвечает. – Срок мой земной истёк, понимаешь, а в тамошние миры не берут, пока, говорят, все дырки, которые провертел в разных мирах в своё время да по всем жизням, что прожил, не починишь, сюда не пустим.

– И что?

– Что, что? Чиню все дырки, которые и провертел за все свои жизни на Земле.

– И как это тебя угораздило столько их навертеть?

– Да вот так и получилось. В одной жизни шаманом был, к духам обращался, в их миры ходил. В другой жизни крутой ведьмачкой был, тоже лазил по всем вселенным – то колдовал, то искал ответы на свои вопросы, то ещё что-нибудь. А то и как-то колдуном был, в последнее время экстрасенсом.

Ещё – ну как это – в Тибете туммо занимался.

– Занимался чем?

– Туммо.

– Что-то не припоминаю я такого занятия.

– Ну это занятие не всем по зубам, – вдруг активизировался Хоттабыч. – Это надо обладать большим энергетическим запасом, уметь управлять им.

– Вот-вот, – говорю, – и доуправлялся.

– Ты ничего не понимаешь, – взъерошился вдруг Хоттабыч. – Соревнования у нас были. Ну это когда сидишь высоко в горах на снегу и мокрую простынь на себе сушишь.

– Зачем, – спрашиваю, – мокрую простынь на себе сушить, так и заболеть ведь можно. Повесил на верёвочку – сама высохнет.

– Вот этим и занимался, – продолжал Хоттабыч. – Кто больше простыней на себе высушит...

– Тот, что и мастер туммо, – пропел я, продолжая чинить треклятую трубу.

– Ага, – кивнул Хоттабыч.

– Да, нелегко тебе было. Сушить всё на себе. А я как легче: на верёвочке. Дырок-то много наворотел по всем мирам?

Хоттабыч вздохнул:

– Много, когда починю все, не знаю. Но говорят, что, пока не сделаю, так и буду тут вертеться.

– Ну и тут твоя дыра, что ли?

– Похоже, что здесь. Пойду искать свой прокол.

– Да много вас тут приколистов, таких как ты. Вечно все-ленные протыкаете, а потом утечки происходят, а виноват всегда я. Намедни встречал одного такого приколиста, Остином назвался. Этот Остин говорил, что по вселенной катался на сёрфинге. Говорит, что так здорово. И таких сёрфингистов знаешь сколько? Им всё любопытно – на звёзды посмотреть да по туннелям покататься, а у меня потом работы после них... Ну давай, туммо, чини свою дыру, а то уже утро скоро, а мне в шесть утра вставать надо и на основную работу.

– А где работаешь-то?

– Где, где? Также чиню трубы, водопроводные, сантехник я.

Ну всё, я сделал свою работу. Пока, ребята! А вы доделывайте каждый свою. Я пошёл домой, моё время вышло.

...Шесть утра...

Ё-моё, как спать-то хочется. Такое ощущение, что пятнадцать минут только и поспал, как белый человек. Да и что-то ночью был сон какой-то странный. Везде трубы чиню, даже во сне. Ну надо же. Как меня всё это достало! Уже поперёк горла эти трубы.

Пошёл работать. Никто же меня кормить тут бесплатно не будет.

...Да иду я, иду. По разрядке 331-й участок. Что, опять где-то свистит? Починим, конечно... же там.

Опять вижу издалека: клубы пара так и выются. На этот раз ну прямо-таки зелёного цвета с жёлтыми всполохами. Что за хрень – опять где-то какой-то вонючий мир попался и пытается своими миазмами отравить другие миры! Разложил инструменты.

Э-э-э. Вот это да! Вчера дыра была маленькой, и то бились сколько почти что вчетвером, если Хоттабыча считать. А эта дырища на сотни эйрен и реальностей. Ну надо же, разорвалась-то как, танк проехать может. Как её сваривать – ума не приложу.

Смотрю, девица вчерашняя опять подруливает. Миленькая такая, так бы и обнял. Но виду не показываю. Вчерашнюю улыбку помню. Похоже, что и она помнит, губки бантиком сложила и мурлыкает что-то под нос.

Я её спрашиваю:

– Тебя как зовут-то? Что-то тебя я раньше здесь не видел. Новенькая, что ли?

А она опять «мур-мур». Ясно дело – Кисуля.

– Ну что делать-то будем, Кисуля? – спрашиваю.

А она достаёт, знаете ли, из своего рюкзачка эдакий пистолетик. Раз-раз, что-то подкрутила, подвертела, какие-то туда штучки засыпала, и к трубе. По одной стороне шва прошлась, чего-то накрапала, по второй, и показывает мне.

Я кивнул: «Да, молодец», а дальше-то что?

Берёт она, значит, опять какой-то приборчик, прикрепила его ко шву, а потом – вжик, и застегнула, как на молнию.

– О-о-о, – только и протянул я. – Это прогресс.

Всякое видел, но чтобы трубы на молнию!

– А протекать, – спрашиваю, – не будет?

А она мотнула головой:

– Нет вроде, – говорит.

Ну я так понял.

– Пошли, – говорю, – дальше участок проверять. Там тоже всякое может быть.

Смотрю: осьминожка навстречу и машет нам своими щупальцами, типа «всё, туда не надо».

– Почему? – спросил я, и девица тоже муркнула что-то.

Ну, осьминожка говорит и показал мне тут же, как он чинил: поплевал туда-сюда и всё, маленькая дырка-то была.

– Малюсенькая, – говорит, – с пяточок. Но напор такой силы... Бок свой пришлось прислонить, пока плевал да замазывал, а то пришлось бы на подмогу звать.

– Ну что, – говорю, – ещё одно место проверить надо, пошли, что ли.

– Ну да, – кивнули осьминожка и девица.

– Что-то, – говорю, – Хоттабыча нашего не видно было, он что – все дырки свои починил?

– Похоже, что не починил ещё, – говорит осьминожка. – Видел я его, он пробежал недавно.

– Так и бегают, досталось же, – говорю, – старику.

Просмотрели ещё один участок. Всё в порядке.

– Ну что, тогда всё. Пока, ребята.

Все заулыбались и помахали кто чем. Я не мог смотреть на синие зубы и отвернулся.

Девушка губки сжала и миленько так: «Мммурр», – «до завтра» то есть.

Завтра так завтра.

Завтра нам попался участок у чёрта на куличках. Если бы не маленький вездеходик нашей Кисули, тащились бы туда все этак пару часов, потом обратно столько же. Совершенно заброшенная маленькая вселенная, но кучи отходов и отбросов – я ещё такого не выдывал. Всё переплелось, всё торчит, где-то что-то проржавело, и – ну, конечно, видно – трубы давно не меняли.

Пришлось нам опять повозиться. Если бы не девушка с её архинаучным подходом, неизвестно, сколько бы времени ремонт прошёл. Осьминожка, похоже, из какой-то совершенно бедненькой вселенной – кроме как своего «поплевать», ничего не знает. У меня тоже инструмент ограничен. Говорят, что и так справишься. Что за небесная канцелярия! Ничего не допросишься.

Сегодня ночь тихая выпала. Наконец-то передых. Сели мы на бугорок, вызовов нет, звонков тоже, хоть отдохнуть можно. Это редко, но бывает.

Я и спрашиваю девушку:

– Надолго ли тебя на эту работу определили?

А она мне свои ногти показывает.

– Да, – говорю, – красивые.

И правда, пальцы узкие, длинные и ногти такие длиннющие. Как она ими управляется? Все раскрашены в разные цвета. И показывает мне на один из ногтей.

Я смотрю: да, красиво, что-то вроде галактики там нарисовано. Она берёт ноготок и снимает, и я вижу – а под ногтем ничего, ну то есть обыкновенный ноготь, как у всех. Она показывает пальцами: вроде какходишь туда, в этот её ноготок, картинку то есть, и там вот видишь. И поглядывает на меня, сообразил я или нет, и всё «мур-мур» да «мур-мур». Попробуй пойми её.

– Куда, что? – спрашиваю. – Не понял.

Она опять мне:

– Ходишь, как точка, в этот мир, и попадаешь...

Я всмотрелся в этот ноготок: и правда, мир как-то расширился, и она опять показывает на себя, а потом снова на ноготь.

Вижу что-то летающее. Сначала не понял, дракон – не дракон. Нет, она на драконе сидит и улыбается. А зубы синие. Я не могу на них смотреть. Ну она так мякнула что-то, и мне этот ноготь и даёт: «Приходи, – говорит, – в гости, поболтаем».

Ну что, взял я этот ноготь, рассмотрю потом.

Мы и попрощались.

...Опять шесть утра. Будильник динь-динь. Ё-моё, когда же воскресенье. Чтоб хоть выспаться. Ну каждую ночь ка-

кая-то дребедень снится. Чиню и чиню я эти трубы.

Ладно, встаю уже. Пошёл в ванную, глянул в зеркало: что это мои зубы какого-то странного цвета. Вчера вроде как белые были, а сегодня с какой-то просинью. Наверное, ненароком выпил чего-то не того.

Вдруг что-то – бряк! – на пол упало, поднимаю – пластинка какая-то, как картинка с галактикой, красивая. Откуда она у меня? Ладно, пусть лежит, может, вспомню. День прошёл, как всегда, в беготне. Прорвало трубу, вода хлещет, лучше не вспоминать. Никакой романтики. И так каждый день. Одна работа. Домой приходишь и падаешь. Вот пора уже и спать ложиться. Пошёл зубы чистить и на боковую. Опять эта пластинка перед глазами мельтешит. Ладно, думаю, сейчас раскатаю свой тюфячок да и рассмотрю под лампой, что там такое переливается всеми огнями.

Сказано – сделано: тюфячок наискосок по полу расстелил, чтоб ноги в дверь свободно проходили. А по-другому не получается. А что? Очень даже удобно. А то раньше бился ногами, чуть в туалет стену не проломил. Квадратура-то – во! – десять квадратных метров на всё про всё: и ванная, совмещённая с туалетом, и прихожая, и зал. Вроде всё есть, но в десяти квадратных метрах даже крыса не разбежится.

Долго думал, что мне – диван или шкаф книжный – разместить в моих хоромы. Подумал, лучше шкаф: книг у меня полно, да и посуда там тоже, ну и по мелочам. А диван что? Поставишь – и всё: кроме дивана, ничего и не войдёт.

А спать-то и на полу можно, правда, ноги наискосок, но это уже ерунда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.